

ЦВЕТ НЕБЕСНЫЙ, СИНИЙ ЦВЕТ...

Памяти Узеира Гаджибекова
(или путанные мысли в автомобильной пробке)

Утром глянул в окно, а там, ну, прям, «зима катит в глаза». Это по нашим меркам зима, но всё же осень, которая опять, как говорили раньше, джигалит, отнимая у нас три последних летних дня, лето ведь, как известно, завершается не первого, а двадцать первого сентября.

Глядя на низко нависшие свинцовые облака, вспомнил всенародное ворчание по поводу недавнего зноя, когда даже август переименовали в адгуст, от слова ад, хотя кто знает, какова она – эта вселенская страшилка – ад. И почему ворчали, чем не понравился низвергаемый свыше, бесплатный витамин «D»? Теперь опять ворчим, ворчим из-за того, что кончилось лето, закончились каникулы, опять слякоть, опять пробки на дорогах, опять томительное ожидание нового лета.

Радио в автомобиле прервало мои философские рассуждения, напомнив, что сегодня у нас День музыки, учреждённый в честь Узеира бека Гаджибекова, который родился именно восемнадцатого сентября. Ну, не получается у меня писать и произносить Гаджибейли, вы уж меня простите, считаю, что неправильно переписывать историю, неотъемлемой частью которой является и сам Узеир бек Гаджибеков.

Бек! Все-таки, бек! Бек, князь, прежде чем композитор, педагог, журналист, общественный деятель. Ещё раз убедился в этом, слушая в безнадежной пробке дуэт из «Аршин мал

алан»а. Помните, как служанка Телли отвечает Вели, сделавшему ей предложение руки, сердца и кармана? «Деньги есть, выйду я...» При этом главная героиня – Гюльчохра, на предложение отца, хоть и разорившегося, но бека о выгодном замужестве за богатого купца отвечает отказом, говоря, что любит бедного торговца – аршинмалчи. Вот так Узеир бек показал своё сословие, удачно замаскировав замысел неподражаемой музыкой и искромётным юмором. Причём так удачно, что даже советская цензура, зорко охранявшая интересы простого люда, в нашем случае слуги Вели и служанки Телли, попав под очарование оперетты, пропустила этот момент в одноименном фильме, снятом в разгар Второй Мировой войны в разгар Второй Мировой войны Джафара Багирова, всего на день опередившего Узеира бека днём собственного рождения.

Прокручивая новостную ленту соцсетей, сталкиваясь с реалиями нашей жизни, убеждаешься, что потомки Вели и Телли ничуть не изменили приоритетам своих предков, воспетых Узеир беком. И, если у опереточных героев страсть к

деньгам объяснима в силу их социального статуса и материальных возможностей, то для нынешних Вели и Телли, сидящих в удобных креслах охраняемых кабинетов – это уже нечто другое, скорее болезнь, вакцину от которой без жёсткой руки сеида, сами знаете которого, вряд ли удастся найти.

А пробка тем временем и не думала рассасываться. Да и куда ей деваться, если на узкие, неприспособленные для такого количества автомобилей улицы несчастного города ежедневно выплескивается автопарк, суммарной стоимостью в бюджет среднестатистического государства. Так что надо терпеть, деваться некуда. Разве что повезёт, предоставят жилплощадь где-нибудь в Физули или Лачине, хотя и тогда наверняка найдётся кто-то, кто задаст вечный вопрос: «Деньги есть?»

Вот так, в неподвижном автомобиле, слушая музыку Узеира бека, смотрел я на серое небо и думал о том, как хорошо бы сейчас сесть в самолёт, взлететь выше облаков, в синюю высь, которую только вчера можно было видеть в любое окошко с земли, а теперь только в иллюминатор самолёта.

Мне кажется, что и человеческая смерть образно представляет из себя нечто подобное. Дух, оставив брэнное тело среди осенней грязи, нескончаемых пробок, рёва автомо-

бильных сигналов на улицах большого и плохо организованного города, демонстративного всхлипывания родных, поднимается выше этой суеты сует туда, где, как писал романтик Николоз Бараташвили, всегда «Цвет небесный, синий цвет...». Поднимается туда, где ни деньги, ни социальный статус, ни какие либо иные привилегии ровным счётом ничего не зна-

чат. Все-таки Там что-то есть и я надеюсь, что Там можно будет встретить людей, по которым тоскуешь Здесь. Может, мне повезёт и среди тех, кого я встречу Там будет и Узеир бек. Знал бы он, как много я могу ему рассказать о тех событиях, которые произошли за те семьдесят пять лет, что его нет, Здесь.

Зульфугар ФАРЗАЛИЕВ.